

ИЗ ПОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

Перевод с польского АСАРА ЭППЕЛЯ

Вислава Шимборская, Тадеуш Ружевич и Станислав Гроховяк принадлежат к числу ведущих современных польских поэтов. Каждый из них по-своему решает поэтические задачи, у каждого свои темы, своя проблематика.

И хотя философский лиризм Шимборской не походит на ассоциативную метафоричность Гроховяка или на динамичный насыщенный свободный стих Ружевича, хотя каждый поэт шел своим путем в искусстве и совершал собственные открытия в жизни и в поэзии — интеллектуальному, напряженному творчеству всех троих присуще нечто общее: огромная ответственность за человека, стремление определить его место в мире, уберечь от пошлости, цинизма, равнодушия.

Стихи Шимборской, Ружевича и Гроховяка отличает высокая поэтическая техника, требующая как бы читательского «соучастия» в творчестве. Но техника эта — не самоцель. Ее задача — раскрыть поэтический образ современного мира, образ мышления современного человека, судьба которого неотделима от общественно-исторических конфликтов времени.

ТАДЕУШ РУЖЕВИЧ

За гидом

Быстрее есть пить читать жить
быстрее любить
дальше ехать спешить
больше быстрее говорить
быстрее уходить прощаться покидать
больше слушать видеть
глядеть трогать нюхать
глядеть обладать пробовать
обожать быть здесь и там
и где где еще
громче смеяться расталкивать
бежать дышать
Быстрее
больше
скорее дальше выше ниже глубже
скорее шире жить
есть пить спать
любить
жить дольше

В палаццо Дукале прет табунчик
толчея за гидом
хорошо сохранившиеся старикашки
мужчины в подтяжках
отирают платочками лысины
цветочки в волосах
по возможности присаживаются
а гид мчится птички в волосах
с его губ течет поток названий
дат анекдотов красот
эта пиетá красивейшая
выражение страдания
пожалуйста с этой стороны
отсюда лучше видно
выражение лица матери
этот инструмент называется
в этой зале заседал суд сюда в эту щель
можно было опускать доносы
прошу дальше за нами следующая группа
шляпки покрыты цветами
оружейная палата
мечи мортиры кольчуги щиты
забрала стилеты доспехи пули мушкеты
вдруг тишина взрывы хохота
гид прищурил
сладкий глаз
шепчет шепелявит
группа его обступила
кольцом
буквально галопом промчались
вдоль
налево Босх Инферно
направо Беллини Пиета
налево Босх Парадизо
направо
налево
в шкафу среди боевых доспехов
висит покрытый ржавчиной пояс
в поясе два отверстия
круглое окруженное шипами
и продолговатое
шипы загнуты вовнутрь
пояс закрыт на всякий замок
рыцарь уходящий в поход
забирал ключи с собой
седовласые дамы жеманно
наклоняются к ушам мужей
гид жестикулирует
жмурит глаза дети пытаются
пробиться сквозь кольцо взрослых
ничего не видят
ухмылки искусственные челюсти румянцы
три монахини стоят
их руки сложены под
веки опущены на
и губы их
губы двигаются

взрывы смеха тишина
замки
Тристан
златокудрая Изольда
варварство
пояс добродетели с колючим отверстием
а рядом амуниция доспехи самострелы ядра
рапиры мортиры стилеты мушкеты
но на все это
больше никто
не обращает
внимания

Сокращенное изложение

Я гляжу в окно
дождь в темных кронах деревьев
понизу
золотой люпин
я кратко пересказываю сыну Гамлета
говорю о тени которая
о крысе за портьерой
о почтенном болтуне
отце помешанной

я думаю о гладких
белых как молоко
бедрах королевы-матери
о тайне
которую узнал
мужающий сын
в нем рождалась и гнила
любовь
любовь следовало отравить
любовь следовало отрубить
и он рубил мечом не глядя
любовь следовало откусить
и он откусывал
любовь следовало утопить
как слепого кутенка
и он приговорил к смерти
безвинную девушку

я сообщаю сыну
скудную информацию
о жизни
Шекспира
3 июля 1962 года
еще один человек на земле
узнаёт
о существовании английского драматурга

идет летний дождь слышен смех
за стеной скребется мышь
в лесу
мха седой мех
набухает как утопленник
вопрос
который задавал себе
принц Датский
пропускаю

это слишком жестокая и грубая шутка
для современного человека

СТАНИСЛАВ ГРОХОВЯК

Обучение хождению

Ты есть земля. Свинец, суглинок, соль,
Шелк пепла ты. Болот мехи тугие.
И ты есть сад. И лани в нем нагие,
Волы послушные, надтреснутые вдоль...

Все, что несешь ты, — облакаешь в боль,
Все, что скрываешь, — в доблести благие.
И ты есть сад. И панны в нем нагие,
И лица детские, надтреснутые вдоль...

Свои стопы учить я стану так
(Иль стопы строк — пускай и строки внемлют),
Чтобы, шагнув, ступать через года.

Но если вдруг метнусь в чужие земли,
Продлись, наука. И любой мой шаг
Ничтожным будет пусть. Великим — никогда.

■ ■ ■

Что же тут будет Что же тут будет
Что же тут будет если не будет
Той улетающей в дали Откуда
Даже останков немых не прибудет

Что же тут будет кроме осенних
Серых лишайников к кактусу льнущих
Кроме огромных остывших строений
И тишины в этажах без живущих

Он только будет Он только Белый
Тонкий художник стен Хиросимы
В землю влюбленный страж онемелый
Вьюгами вечной зимы заносимый

Между скорлуп черепов и былинки
Он только жив на погосте у бывших
Страж квинтэссенции моря и глины
Мертвых мечтателей и отлюбивших

Всё что тут будет Все что тут будет
Все что тут будет суд нам навечно
Нет не любовь не тоска не безлюдье
На камне ВЕЧНЫЙ

Эхо

В испарине коней, в глазах коров степенных,
Во влажном запахе гнилого стога
(Теплом дымят вдали трясина лога)
Была пора твоих мечтаний сокровенных.

Метет фонарь среди ветров смятенных,
Жар кузницы чеканит лица строго;
Есть множество молитв, и так же много
Святых имен в календарях настенных.

В селе замечена крылатая девица,
Пыланье роз кому-то снится с горя,
И ворожит иной по хмурым взорам...

Ночь тихая сошла. Цветам умыла лица.
Поют лягушки от озер к озерам,
А эхо носится от моря и до моря.

ВИСЛАВА ШИМБОРСКАЯ

Урок

Кто что царь Александр кем чем мечом
рассекает *кого что* гордиев узел.
Сие не пришло в голову *кому чему* никому.

Никто из ста философов не развязал узла,
теперь глядят с опаской из укромного угла.
Таскает солдатня их за бороды длинные,
всклоченные, сивые, козлиные,
и раздаётся громкий *кто что* смех.

Довольно. Александр воззрится строго,
сел на коня, отправился в дорогу.
А за царем под звуки труб и звяканье подков
вся *кто что* армия из тысяч *кого чего* узелков
пошла на *кого что* на бой.

Буффонада

Поначалу мінут страсти,
после — сто и двести лет,
после снова будем вместе:

лицедей и лицедейка —
театральные любимцы
нас изобразят на сцене.

Ходкий фарс, куплетик ловкий,
бойкий танец, много смеха,
точный штрих по части быта,
крики «браво».

Будешь ты смешон ужасно
в этом галстуже, ревнивый,
на подмостках.

Я — в короне, и кружится
голова,
и сердце тщится;
глупое, оно забылось,
и корона покатилась.

Мы начнем с тобой встречаться,
расставаться, зал — смеяться,
семь препон, семь преград
между тем нагромоздятся.

И как будто с нас не станет
настоящих мук и горя —
мы добьем себя словами.

А потом поклон со сцены —
кончен фарс обид и поз.
Зрители уходят спать,
позабавившись до слез.

Будут жить они прекрасно,
ублажить любовь сумеют,
тигра выкормят с ладони.

Мы ж — какие-то такие,
в колпаках и с бубенцами,
одурманенные напроць
их бренчаньем.

Увековечение

В орешнике под росами
сердца их гулко бились,
былинки прошлогодние
в их волосы забились.

Ласточкино сердце,
смилуйся над ними.

Причесывались после
над прудом, тихим с вечера,
к ним рыбы подплывали,
мерцающе отсвечивая.

Ласточкино сердце,
смилуйся над ними.

Вода деревья смешивала
с остатками рассвета.
Ласточка, пускай они
навек запомнят это.

Касатка, черный росчерк,
якорь поднебесья,
Икар в обличье птичьем,
фрак, вознесенный в небо,

касатка, каллиграфия,
ранне-птичья готика,
стрелочка секундная,
неба косоглазие,

ласточка, мельканье,
неугомонный траур,
ореол влюбленных,
смилуйся над ними.

